

тии: всех обвиняемых следовало заключить в концлагерь с применением принудительных работ [5, 328].

В постановлении Кассационного отдела ВЦИК “О подсудности революционных трибуналов” (1918 г.) специально подчеркивалось положение об уголовной ответственности организаторов и других *соучастников* контрреволюционных преступлений. Суду революционного трибунала подлежали те, “кто организует контрреволюционные выступления против Рабоче-Крестьянского Правительства, участвуя в них непосредственно или в подготовительной к ним стадии; или участвует во всевозможных контрреволюционных заговорах и организациях, ставящих своей целью свержение Советского правительства, хотя бы в результате его деятельности и не было контрреволюционного выступления” [4, 4].

Декрет Совета Народных Комиссаров “О взяточничестве” (1918 г.) устанавливал уголовную ответственность за получение и дачу взятки не только в отношении исполнителей, но и в отношении других *соучастников* — подстрекателей, пособников и прикосновенных лиц. Этот декрет уже четко формулировал *возможные виды соучастников* по конкретной категории преступлений.

Этот же декрет устанавливал и другой чрезвычайно важный принцип уголовной ответственности за *соучастие*. Данный принцип состоял в том, что подстрекатели, пособники и прикосновенные лица подлежали такому же наказанию, как и исполнитель. Установление одинаковой ответственности в отношении исполнителей, подстрекателей, пособников и прикосновенных лиц имело исключительно важное значение, так как это давало возможность органам правосудия вести эффективную борьбу с такими общественно опасным преступлением, каким являлось взяточничество, принимая суровые меры репрессии не только к взяткодателям и взятополучателям, являвшимся исполнителями, но к другим его участникам — подстрекателям, пособникам и прикосновенным лицам.

В Постановлении Совета Народных Комиссаров “О набатном звоне” (1918 г.) указывалось, что “виновные в созыве населения набатным звоном, тревожными гудками, рассылкой гонцов и т. п. способами с контрреволюционными целями предаются революционному трибуналу. Соучастники, пособники, подстрекатели (призывающие устно, письменно или печатно к пользованию означенным в пункте 1 способом возбуждения тревоги и т. п.) и вообще прикосновенные лица отвечают перед революционным трибуналом наравне с главными виновниками” [2, 499].

Таким образом, в этом постановлении говорилось не только об ответственности подстрекателей, пособников и прикосновенных лиц за совершение данного преступления, но впервые в общей форме указывалось и на признаки подстрекательства.

Указанное постановление, так же, как и декрет о взяточничестве, рассматривало прикосновенность лишь в общей форме, не выделяя ее различные виды.

Об укрывательстве как об одном из видов прикосновенности впервые упоминалось в постановлении Наркомфина “О запрещении купли-продажи или передаче хлопковых предприятий всех видов и о регистрации акций и паев этих предприятий” (1918 г.) [2, 510]. В нем, в частности, говорилось: “За неисполнение сего постановления, сообщение ложных сведений, сокрытие сведений, несоблюдение сроков и за содействие или покровительство по нарушению сего постановления виновные предаются Революционному Трибуналу” (1918 г.).

Декрет Совета Народных Комиссаров “О тыловом ополчении” (1918 г.) более подробно раскрывал понятие *соучастия* и *прикосновенности*. Декрет указывал на признаки подстрекательства, пособничества, укрывательства и доношительства. Подстрекатели, пособники, укрыватели и доношители согласно этому декрету подлежали такому же наказанию, как и исполнители.

В нем указывалось:

“7. К лицам, уклоняющимся от призыва, и к лицам, способствующим такому уклонению, применяются наказания, изложенные в нижеследующих статьях.

8. Виновные в неявке по призыву в тыловое ополчение, в явном сопротивлении этому призыву или уклонении от исполнения такового под ложными предлогами подлежит наказанию, налагаемому местным судом, а где его нет, — судом революционного трибунала, лишением свободы на срок не ниже двух лет, соединенным с принудительными работами и конфискацией всего имущества.

9. Такому же наказанию подлежит виновный в содействии и склонении к невыполнению ополченских обязанностей, в содействии к побегу, к укрывательству уклоняющегося, а равно в несообщении властям об уклонении виновного” [3, 1015].

Инструкция Народного комиссариата юстиции “О порядке введения в действие декрета об отмене наследования” (1918 г.) указывала на два вида прикосновенности — укрывательство и недоносительство.

Статья 11 инструкции гласила:

“Лица, виновные в умышленном непредставлении сведений, упомянутых в статье 8 настоящей инструкции, или в утайке и укрывательстве наследственного имущества, несообщении о находящемся у них наследственном имуществе или вообще умышленно или по грубой небрежности препятствующие поступлению наследственного имущества в ведение Советов депутатов, подвергаются уголовному наказанию, установленному за присвоение государственного достояния, а равно денежному взысканию стоимости указанного (сокрытого, утаенного и т. п.) имущества” [3, 817].

Немного позднее уголовное законодательство делает отдельные исключения из сформулированного в первых декретах принципа уголовной ответственности подстрекателей, пособников и прикосновенных лиц наравне с исполнителем. В некоторых декретах о борьбе с дезертирством устанавливалось одно наказание в отношении самих дезертиров — исполнителей преступления, и другое — в отношении укрывателей. Например, по постановлению Совета Рабоче-Крестьянской Обороны “О дезертирстве” (1918 г.) пойманные дезертиры подлежали уголовному наказанию “в пределах от денежных вычетов (в утроенном размере причитавшегося им за время отсутствия из части содержания) — до расстрела включительно” [3, 1015], а все укрыватели дезертиров (председатели домовых комитетов и хозяева квартир, в которых обнаруживались дезертиры) подлежали уголовному наказанию в виде общественных принудительных работ на срок до пяти лет.

В уголовном законодательстве данного периода *соучастие* не создавало каких-либо новых оснований уголовной ответственности за совершенное преступление, а ответственность наступала на общих основаниях. Но поскольку *соучастие* является особой, специфической формой совершения преступления, т. е. одновременно несколько лиц участвуют в совершении одного и того же умышленного преступления, то все эти лица несут ответственность за одно и то же умышленное преступление. Конкретная мера уголовного наказания в отношении каждого из соучастников определялась судом в зависимости от степени виновности каждого из соучастников в совершенном преступлении и общественной опасности самого преступления.

Суд также учитывал и личные качества каждого из соучастников, хотя об этом в законодательстве исследуемого периода каких-либо указаний не содержалось. Роль организатора преступления, как наиболее опасной фигуры среди соучастников, особо выделялась уже в те годы.

Местные народные суды, окружные народные суды и революционные трибуналы назначали, как правило, виновным в этого рода преступлениях более тяжкое наказание, чем за такое же преступление, совершенное одним лицом.

Итак, из рассмотренных выше положений, можно прийти к выводу о том, что законодатель данного периода достаточно четко и подробно характеризует каждого из *соучастников* преступления. *Впервые* представлены отдельные, специаль-

ные признаки *подстрекательства* и *пособничества* в форме укрывательства преступлений.

Можно попытаться объяснить, почему довольно много внимания уделено в бурный, сложный период, сразу же после революции, практическому и теоретическому изучению преступлений *в соучастии*.

1) Эти преступления признаются, во-первых более общественно опасными, чем совершаемые в одиночку (массовость преступлений, рост бандитизма и т. п.)

2) Делается попытка квалифицировать *роль* каждого соучастника в преступлении.

Положение, согласно которому за одно и то же преступление все *соучастники* несли одинаковую ответственность, представляется спорным. Однако сложная обстановка на фронтах гражданской войны, бедственное положение в экономике государства вполне могли бы стать оправданием этого принципа.

В целом, все эти процессы *создали* *необходимую* базу для дальнейшего глубокого изучения и поступательного развития института *соучастия* и формирования отечественного уголовного законодательства.

Література

1. Сборник Указов РСФСР. — 1917. — № 12. — 230 с.
2. Сборник Указов РСФСР. — 1918. — № 39. — 570 с.
3. Сборник Указов РСФСР. — 1918. — № 99. — 1075 с.
4. Мишунин П. Г. Очерки по истории советского уголовного права (1917-1918 г.г.) — М., 1954. — 315 с.
5. Одесский мартиролог: в 2 т. — Т. 2. — Одесса, 1999. — 799 с.

О. А. Чуваков

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
кафедра кримінального права, кримінального процесу і криміналістики,
Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна

ПРО СПІВУЧАСТЬ У ЗЛОЧИНІ ЗА КРИМІНАЛЬНИМ ПРАВОМ УКРАЇНИ (1917-1922 рр.)

РЕЗЮМЕ

При аналізі досліджуваних матеріалів помічено цікаві спроби становлення інституту *співучасті* в перші роки існування Радянської влади на Україні.

Ключові слова: співучасники, підбурювачі, підсобники, приховувачі, етапи становлення інституту співучасті.